

лективе сверстников, уважение со стороны военнослужащих. Важно, что нормативная регуляция поведения воспитанника в условиях военизированной среды уступает место ценностной регуляции, так как само служение ценностям патриотизма вызывает базовую эмоцию — удовольствие. В этой ситуации подросток способен отстаивать ценности, а значит — сознательно избирать патриотическую модель поведения.

Литература

1. Концепция патриотического воспитания в Республике Беларусь — 2003.
2. Основы идеологии белорусского государства: Учеб.-метод. пособие / В. В. Шинкарев, Л. В. Вартанова, В. А. Зинченко и др.; Под ред. В. В. Шинкарева. — Мн.: БГПУ, 2004. — 153 с.
3. Храмцова, Ф. И. Идеологическое воспитание: параметры эффективности: Учеб.-метод. пособие. — Мн.: УО «БГАУ», 2005. — 148 с.

И. Г. Подпорин

*Белорусский государственный аграрный технический университет,
г. Минск*

А. Ю. Опарин

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ОПЫТА

Проблема «пользы и вреда истории для жизни» остается одной из наиболее актуальных в современном обществе. Она затрагивает те сферы общественной жизни, где осуществляется обращение к истории, касаясь, главным образом, идеологии, исторической науки и преподавания истории в качестве учебной дисциплины. Принято считать, что знание истории необходимо любому образованному человеку, поскольку способствует его личностному формированию, индивидуальному и социальному росту. Вместе с тем достаточно редко уточняется, чем именно «полезна» история, и каким образом обращение к ней может быть уместным и конструктивным. Мы полагаем, что ответы на эти вопросы следует искать не только на пути непосредственного изучения способов использования исторических образов и их психологического или идеологического значения. Роль обращения к истории станет понятнее, если изучить саму природу этого обращения, данную в формах его выражения. Такими формами являются историческое повествование и язык, обладающие некими самодовлеющими свойствами, связывающими историю с мировоззренческим опытом человека.

Известно, что историческое сознание вовлекает человека в уникальную социокультурную традицию. С другой стороны, будучи встре-

ено в жизненный мир, оно несет на себе печать современности. Обращаясь к истории, мы не только приобщаемся к ней и становимся ее частью: история становится частью нас самих. Она оказывается особо чувствительной и востребованной по отношению к нашим предпочтениям и оценкам. Это проявляется не только в историческом значении нашей сегодняшней жизни, но и в многообразии различных способов использования образов истории. Мы видим, что обращение к истории выступает не просто как отстраненная фиксация, систематизация, передача или восприятие фактов сторонним наблюдателем. Такое обращение является попыткой переживания того, что когда-то уже было, и, следовательно, может быть представлено как интерпретация и конструирование истории. Этот ярко выраженный момент творчества может как проблематизировать историю, так и делать ее всегда привлекательной. Думается, что история «оживает» не столько для того, чтобы быть понятой, сколько для того, чтобы помочь человеку понять самого себя. Если это так, обращение к истории связано с фундаментальным человеческим опытом.

В прояснении и обосновании озвученного тезиса нам поможет рассмотрение основных мыслительных операций, которые мы используем в процессе понимания истории. При этом под *историческим пониманием* мы будем подразумевать постижение смысла некогда произошедшего в соотношении с настоящим и будущим. Иначе говоря, фундаментальной предпосылкой такого понимания следует считать убеждение в том, что история — это потенциально «живая» реальность прошлого, которая в том или ином виде может быть актуализирована здесь и сейчас. Историческое постижение оказывается вовлечением познанного в наличную реальность, при котором история и сама реальность устанавливаются как таковые.

Процесс понимания может быть представлен как *тематизация* субъектами своего мира, включающая в него историю посредством *рубрикации*, *драматизации* и *реификации*, которым, в свою очередь, неизбежно сопутствует *актуализация*. Попросту говоря, история «оживает» тогда, когда предмет понимания определен, факты «разложены по полочкам», реконструированы динамические связи и вынесен исторический урок. Указанные здесь операции фактически раскрывают механизмы вовлечения истории в мировоззренческое пространство человека. История в этом смысле оказывается воссозданной и даже созданной. Однако выявление механизмов исторического понимания в таком ракурсе призвано не поставить под вопрос объективное историческое знание, а высветить те неизбежные эффекты, которые возникают в связи с изложением или восприятием истории в силу самой творческой природы понимания, мышления и языка.

Обращение к историческому материалу предполагает определение направления исторического повествования, некую область исторической действительности, о которой пойдет речь, т. е. выбор *темы*. В самом общем смысле это могут быть социальные, экономические, политические или культурные реалии прошлого. Определение темы в узком смысле может означать магистральную линию повествования, пред-

ставленную в виде идеи, вопроса или проблемы. Роль тематики в формировании социального опыта, на первый взгляд, достаточно очевидна: здесь появляется «горизонт ожидания», говоря социально-психологическим языком, срабатывает «стратегема предубеждения» (Э. Аронсон, Э. Притквинис), когда определение предмета разговора или особая постановка вопроса задают смысловое пространство, в рамках которого могут быть найдены события или их объяснение [1]. Верно, что тематика настраивает на определенный лад, задает эмоциональный и смысловой тон понимания, если не трактовать это слишком примитивно (например, полагая, что изучение истории самодержавия формирует монархические предпочтения, а военной истории — воинственность). Сам факт вербализации или обсуждения имеет значение, но на данном уровне нет возможности точного определения мировоззренческих следствий обращения к истории. Здесь имеет место, скорее, обратная зависимость между историей и идеологическими установками (или даже психологическими особенностями), когда последние влияют на выбор темы. Тематика значима тем, что задает рамки, угол поля зрения, ограничивая, тем самым область наличного и возможного материала, который подлежит интерпретации. Тематические границы не являются чем-то данным раз и навсегда. Они устанавливаются в процессе исторического постижения, в ходе осуществления операций, описанных ниже.

С определением предмета исторического постижения тесно связана операция *рубрикации*, представляющая собой категоризацию фактов и событий, их распределение в соответствующие группы по определенным критериям. Рубрикация задает первичную *структуру* исторического видения. Н. Копосов для демонстрации концептуального значения формальной структуры изложения использует критический пример Л. Февра о старом комодe, где всякой вещи найдено свое место: в верхнем ящике — политика, в ящике пониже — демография и организация общества и т. д. в иерархическом порядке. Поскольку ящик с политической оказывается выше всех, и о ней говорится в первую очередь, все прочие процессы представляются подчиненными политическим, хотя структура комода предполагает это только формально [2, с. 163—166]. В этом смысле, в историческом повествовании значим порядок изложения фактов. Ввиду того, что новые факты объясняются на основе ранее известных, информация, которая сообщена первой, выглядит как обладающая наибольшей объясняющей силой и оказывается более суггестивной. Начиная исторический рассказ с описания политической или экономической жизни, мы тем самым наделяем соответствующие события первостепенным значением и даем повод понимать все прочие общественные явления как производные от них. На уровне общественной психологии в таких случаях имеет место один из характерных механизмов мифологического мышления, когда произошедшее или высказанное ранее принимается за причину того, что произошло или было услышано позднее, хотя объективно таких причинно-следственных связей может и не быть.

Драматизация исторического материала предполагает выявление связей и динамики произошедшего, что и является постижением смысла событий, когда обнаруживается интрига (П. Рикёр), т. е. выясняется, что, собственно, произошло. Здесь в полную силу вступает реконструкция и интерпретация в виде исторического ряда, структурированного посредством фабулы событий и его сюжетного оформления. Если и далее пользоваться литературоведческими аналогиями, можно сказать, что драматизация выявляет персонажи, условия и мотивы их действий и т. п.

Известно, что примеры различной интерпретации исторических событий объясняются не просто недостатком информации или её преднамеренной фальсификацией. Представления об истории формируются также социокультурным контекстом: типом мировоззрения, идеологическими предпочтениями, социально-психологическими особенностями людей. Разумеется, не следует полагать, что историческое знание полностью социально ангажировано. Исторические события могут быть идеологически и политически интерпретированы уже в силу историчности самого знания. При обращении к истории следует учитывать специфику формирования опыта обращения, которая проявляется в историческом повествовании.

Последняя констатация вскрывает серьезную проблему, состоящую в том, что об одном и том же факте можно высказаться по-разному. В «Кратком курсе истории СССР» конца 30-х годов можно обнаружить описание, в котором явно содержится атеистическая оценка известного события: «Греческие попы читали над стоящим в воде народом свои молитвы. Это называлось крещением» [4, с. 158]. Более того, атеистическое мировоззрение советского времени во взглядах на мировую историю пошло ещё дальше и выработало представления о якобы бывшем некогда безрелигиозном периоде человечества, завершение которого было связано с привнесением в примитивные воззрения людей религиозного элемента, призванного «освятить» процессы социального и имущественного расслоения. Не вызывает сомнения тот факт, что такого рода повествовательные стратегии, принятые на вооружение советскими идеологами, были направлены на формирование атеистических ориентаций советского человека. Такая практика формирования идеологических предпочтений показывает, что в массовом сознании лучше закрепляются те исторические события, сценарии и сюжеты которых отличаются простотой, ясностью и силой впечатления.

Нужно отметить, что в самом существе драматизации, в процессе реконструкции и обнаружения интриги доминирует *пространственный образ сцены*, который по своей природе дан в настоящем времени. Эта особенность драматизации истории не только «оживляет» прошлое, но и способствует привнесению в его образы элементов современности. Говоря или слыша о прошлом, мы тем не менее оказываемся в настоящем с присущими ему социокультурными особенностями. Обращение к истории в виде исторического повествования, таким образом, среди прочего, оказывается опосредованным соотношением мировоззренческого опыта говорящего и слушающего.

Это, в свою очередь, подводит нас к следующему: в историческом описании и объяснении, поскольку речь идет об употреблении слов, совершается *реификация* — овеществление понятий. Использование определенного слова предполагает обнаружение в исторической реальности его референта, объекта, который оно обозначает. Историки здесь сталкиваются со сложной методологической проблемой выбора «категориальной сетки», терминологического аппарата. Слова и их смыслы меняются по мере изменения представлений об истории, вместе со сменой парадигм или разработкой новых исследовательских подходов. Например, А. Я. Гуревич, обращаясь к проблеме поиска адекватных понятий для описания прошлого, указывает, что такие категории, как, например, «собственность», «государство», «феодализм» и прочие, не подходят для описания некоторых исторически существовавших обществ (как понятие «класс» для истолкования социальных групп патрициев и плебеев в Древнем Риме раннего периода) [3, с. 25]. Ю. А. Кимелев вообще указывает, что в настоящее время осознана проблематичность оперирования всеми теми понятиями, которые традиционно полагались в качестве крупномасштабных субъектов истории и воспринимались в качестве носителей исторического смысла. К числу последних могут быть отнесены, кроме вышеуказанных, «народ», «нация» и ещё целый ряд подобных [5, с. 18]. Последнее для Кимелева означает также кризисное состояние метаистории, приводящее к невозможности построения единой концептуальной картины истории всеобщей.

Другая проблема исторического сознания, необходимо прибегающего к языковым средствам выражения, связана с самой природой языка как средства социальной коммуникации. Как в своё время полагал Ф. де Соссюр, язык подобен стёклам очков, через которые мы смотрим на предметы [5, р. 148]. Согласно Соссюру, язык позволяет человеку расчленять окружающую действительность на отдельные объекты, обнаруживая структуру мира. Это важнейшее предположение предварило «гипотезу лингвистической относительности» Э. Сэпира и Б. Уорфа, а в 60—70-х гг. XX века оказало влияние на формирование постмодернистского комплекса идей (представленного, прежде всего, Ж. Лаканом, Ю. Кристевой и Ж. Деррида).

Следуя идеям представителей лингвистического поворота в социальных науках и полагая, что культура и общество порождены языком, можно заметить, что любое обращение к истории всегда идеологично, поскольку дискурсивно, т. е. связано с выразительными особенностями языка. Кроме того, язык не «принадлежит» своему носителю, но «захватывает» его, имперсонализирует, погружая, в том числе, в план социального. Не человек говорит, но язык произносит его, и человеческое мышление охватывается языковой текучестью и амбивалентностью. Этот сильный тезис вызывает мало доверия, если принять во внимание, что в подобном случае идеологична вся культура. Исходя из такой логики, представители постструктуралистски ориентированной науки поспешили проблематизировать историческое повествование, представив его как фикцию. Связано это было, в частности, с тем, что обращение к языку как средству выражения исторического видения должно

естественно приводит к затруднениям, связанным с разграничением между собственно историческим повествованием как рассказом о том, что некогда действительно было, и повествованием литературным или любым иным вымышленным повествованием. С того момента, как в дело вступает язык, исторический факт «определяется лишь тавтологически: упомянутое вытекает из достойного упоминания», а достойное упоминание, начиная с Геродота, применимо только к «заслуживающему того, чтобы быть упомянутым» [2, с. 438]. Язык призван придавать истории статус правдивого рассказа, но тем самым он порождает только эффект реальности. Последнее значит, как полагал Р. Барт, что на практике историческое повествование не следует реальности, но лишь обозначает её, объективируя содержание повествования с помощью различного рода «шифтеров» — своеобразных речевых «рычагов», разворачивающих смысл произносимого от говорящего к слушающему. В качестве последних могут быть представлены ссылки на исторические факты или сознательное элиминирование из речи историка отсылок к адресанту повествования, т. е. к нему самому. Это приводит к ощущению, что референт исторического повествования (историческая реальность) доминирует над ходом самого повествования. Однако это не так: внешне отстранённый, констатирующий, дескриптивный характер исторического дискурса оказывается полностью вписанным в символический порядок языка и представляет собой воображаемую конструкцию, тем более что сам адресант повествования оказывается существом психологическим или идеологическим, что может выражаться как в специфике отбора или интерпретации упоминаемых исторических фактов, так и в организации самого изложения. История в этом смысле оказывается зависимой от риторики.

Мы видим, что в процессе операций рубрикации, драматизации и реификации имеет место эффект актуализации как придания истории современного звучания, или приложения исторического знания к современности. В данном случае такой эффект не является результатом осуществления сознательной задачи. Это — неизбежный момент исторического обращения. Эффект актуализации тесно связан с уже упомянутой нами метафорой сценического пространства, основанной на Августинском понимании времени, когда прошлое и будущее можно помыслить только в настоящем. Следовательно, исторические события всегда уже заранее звучат как соотнесенные с современностью. Актуализация выступает в качестве корреляции времен, подкрепляющей наше внимание к истории. Она же, вероятно, дает невидимый толчок к поспешным выводам, имеющим место в случае простого переноса характера конкретной исторической ситуации или события на современные общественные явления. Конструктивное значение актуализации проявляется в том, что она провоцирует историческое самоопределение, когда нужно парадоксальным образом обозначить устойчивую позицию в исторической непрерывности. Этот фундаментальный парадокс является не только логической и антропологической проблемой, но выступает источником идеологических и методологических противоречий, возникающих при обращении к истории (например, при попытке прогноза или в случае с поиском исторических закономерностей).

Таким образом, можно увидеть, что обращение к истории в качестве повествования или восприятия услышанного само по себе содержит источники самоопределения и проблематизации теперешнего состояния. Поскольку история разворачивается в сфере духа (Г. Гегель) и языка (Р. Барт), она относит нас к мировоззренческому опыту. Являясь порождением этого фундаментального и парадоксального опыта, история поворачивает нас к нему и делает его ощутимым, превращая его впоследствии в психологические, идеологические и теоретические проблемы.

Литература

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. — СПб., 2002.
2. Барт Р. Дискурс истории // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
3. Гуревич А. Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. — 1990. — № 4. — С. 23—35.
4. Копосов Н. Е. Как думают историки. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
5. Кимелев Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк // Философия истории. Антология. — М.: Аспект Пресс, 1995. — С. 3—19.
6. Федотов Г. П. Как Сталин видит историю России? // Вопросы философии. 1990. №8. — С. 156—159.
7. F. de Saussure. Cours de Linguistique generale (F. 1—4). — Wisbaden, 1968—1974.

М. И. Старовойтов

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ 1920—1930-х ГОДОВ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Уникальное положение Беларуси заключается в её нахождении в центре Европы и в исторически сложившихся отношениях к западной и восточной цивилизациям. Ещё более уникальным в этом отношении является белорусско-российско-украинский пограничный регион как своеобразный центр восточнославянских народов, сохранивших аутентичность своих культур, и как территория проживания различных этнокультурных общностей — титульных этносов и национальных меньшинств с их отличительной национально-культурной специфичностью. В условиях глобализации возрастает интерес к региональной проблематике. Обществоведы считают это закономерным явлением и возможным ответом на многие социально-политические, экономические и духовные проблемы, порожденные XX веком. Вытеснения глобализации регионализацией является актуальнейшей научной проблемой и прак-